

Я дрался и боролся с обнаженным Севером,
Я научился защищаться и бросать вызов.
Мы сражались плечом к плечу,
Но Природа всегда побеждает.

Роберт У. Сервис
«Сердце старожила»

«Когда кажется, что одержать победу невозможно, у солдата есть выбор: продолжать борьбу или смириться с неизбежностью. Отличить одно от другого порой очень сложно», — генерал «бурых» Уильям Хьюберт Коул о битве в долине Серенити.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

События данного романа
разворачиваются в промежутке
между сериалом «Светлячок»
и фильмом «Серенити».

— Ты знаешь, что у тебя лицо перевернутое?
— А?

— Перевернутое лицо. Ну, ты понимаешь.

— Нет, не очень.

— Лысина сверху, борода снизу. Если встанешь на голову, тогда твое лицо будет выглядеть нормально.

— Ты шутишь, что ли?

— Просто делюсь наблюдениями. Но, конечно, в данный момент, с моей точки зрения, твое лицо выглядит нормально.

— Ты скоро умрешь. Вряд ли это самое подходящее время для того, чтобы хохмить.

— Самое подходящее время, чтобы хохмить — это перед смертью.

Так разговаривали двое мужчин: Малькольм Рейнольдс — капитан «Светлячка», бывший мятежник, плут и бунтарь, и некий Дезмонд Роло — наемный убийца.

Первый, опутанный веревкой, висел вниз головой, привязанный к ветке высокого мескитового дерева. Второй стоял перед ним, размахивая длинным охотничьим

ножом. Была ночь. Пели цикады. Собеседников освещали три луны, а также фары припаркованного рядом двухместного кабриолета на воздушной подушке.

Пару часов назад эти двое встретились в лесной хижине недалеко от города под названием Одинокая Скала. Это было на Одессе — периферийной планете, от которой в три прыжка можно добраться до пояса астероидов Уроборос. Роло упомянул, что у него есть одна работенка — нужно перевезти какой-то груз — и это было весьма кстати, ведь прибыльных контрактов у Мэла и его команды было раз, два и обчелся.

Роло потребовал, чтобы на встречу Мэл пришел один — никаких помощников, никаких подкреплений. Сказал, что он человек тихий и хочет переговорить с Мэлом с глазу на глаз, без лишнего шума. «Отведи собеседника в сторонку, посмотри на него как следует, выясни, что это за человек — вот метод Дезмонда Роло».

Они выпили бурбона и скрепили уговор рукопожатием. Внезапно у Мэла закружилась голова, словно он спустился на сто этажей на экспресс-лифте. Он встал из-за стола, потянулся к оружию...

И потерял сознание.

Придя в себя, он обнаружил, что его повесили на мескитовом дереве словно огромную пиньяту. Это было плохо. Но еще хуже было то, что его глаза находились приблизительно на одном уровне с промежностью Дезмонда Роло. На штанах Роло виднелись бледные засохшие пятна, и Мэлу не очень хотелось думать о том, откуда они взялись. Он надеялся, что это просто сало.

— Итак, мистер Рейнольдс, — сказал Дезмонд Роло. — Наверняка вы хотите знать, почему вы здесь и почему вы связаны.

— Да, подобная мысль у меня мелькала.

К голове Мэла прилила кровь. У него стучало в висках, а пазухи ныли.

— Полагаю, ты подмешал в выпивку снотворное, притащил сюда, в глушь, и привязал к ветке не для того, чтобы поговорить... даже не знаю... о философии, — продолжил Мэл. — Но если это не так, тогда прошу прощения за то, что неправильно оценил ситуацию. На любителя философии ты не похож.

— Ты здесь, — сказал Роло тоном человека, у которого вот-вот лопнет терпение, — для того, чтобы умереть. Проще я объяснить не могу.

— Это был мой второй вариант. Если не философия, значит, смерть. Обычно так и бывает — либо одно, либо другое.

— Хочешь узнать, почему ты умрешь?

— Было бы странно, если бы это меня ни капельки не интересовало.

Роло присел на корточки, и двое мужчин оказались нос к носу. Это было лучше, чем нос к паху — по крайней мере, в плане картинки. К сожалению, у Роло были ужасные зубы и изо рта скверно пахло.

— Потому что ты разозлил богатого и влиятельного человека и он хочет тебе отомстить, — сказал Роло.

— Хм.

— И это все, что ты можешь сказать? «Хм»?

— Дело в том, что за свою жизнь я разозлил немало людей и в том числе богачей.

Роло с умным видом кивнул.

— Мы с тобой знакомы всего пару часов, но я уже понимаю, как такое могло произойти.

— Так что список кандидатов нужно сократить, — добавил Мэл. — Кто он?

— Имя Дюрран Хеймер тебе что-нибудь говорит?

Дюрран Хеймер. Бывший эксперт по биологическому оружию. Человек, который богаче Бога. Заядлый коллекционер артефактов, вывезенных со Старой Земли. Владелец редкого, антикварного лазерного пистолета «Ласситер» — точнее, бывший владелец, ведь вышеупомянутое оружие попало в руки Мэла после череды событий, которая началась со встречи Мэла с другом и однополчанином по имени Монти, а закончилась тем, что Мэл оказался посреди пустыни — голый.

— Никогда про него не слышал, — ответил Мэл.

— Забавно. А вот он тебя знает. Говорит, что ты забрал у него очень дорогую для него вещь.

— А, *этот* Дюрран Хеймер. Ну, если подумать, то я, возможно, действительно избавил его от одной пушки.

— От одной пушки? — кисло усмехнулся Роло. — Про оружие разговора не было. Нет, ты забрал у мистера Хеймера нечто более дорогое. Женщину. Точнее, жену. Любовь всей его жизни.

То есть женщину, которая называла себя Иоландой, Сэфрон и Бриджет — хотя, несомненно, у нее было много других имен. Она была воровкой, аферисткой и, возможно, — когда-то — компаньонкой. Мэл восхищался ею и ненавидел ее. Кроме того, он считал ее чертовски привлекательной.

— Эта так называемая любовь всей его жизни сбежала от него и вернулась шесть лет спустя — и только затем, чтобы его обокрасть, — сказал Мэл. — Даже если я как-то помог ему ее лишиться — а это не так, — то, строго говоря, я оказал ему услугу. И раз уж речь зашла об услугах...

— Что?

— Ты не мог бы снять меня с дерева? Моя голова похожа на воздушный шарик, который сейчас лопнет.

Роло подумал, ухмыльнулся и покачал головой. Затем он встал, хрустнув коленями.

— О нет. Понимаешь, мистер Хеймер щедро заплатил за то, чтобы я с тобой разделался. «Хочу, чтобы это произошло в тихом месте, — сказал он. — И чтобы это было медленно. Очень медленно». Значит, так все и будет. Здесь ни души, так что никто твоих воплей не услышит — а вопить ты будешь, Рейнольдс, уж будь уверен. У меня есть нож, и я торопиться не стану. Буду резать тебя по-маленьку, отрезать от тебя кусочки, словно ты... словно ты... — Он нахмурился, пытаясь подобрать сравнение.

— Рождественская индейка? — подсказал ему Мэл.

— Точно! Словно ты — рождественская индейка. И это доставит мне огромное удовольствие.

— Я так рад это слышать. Приятно, когда человеку нравится его работа.

— О, Рейнольдс, я ее обожаю.

— Только тут одна загвоздка.

— Какая?

— У меня есть друзья.

— Как это мило. Они страшно расстроятся, узнав, что с тобой стало. — Роло поднес нож к животу Мэла. — Начать можно и отсюда.

Одним движением он отрезал от рубашки три пуговицы. Рубашка распахнулась.

— Лезвие сделано из лучшей стали с Реджины, — сказал Роло. — Я каждый день его натачиваю.

— И все же не забывай — у меня есть друзья.

— Ты твердишь про каких-то друзей, но я никого тут не вижу.

Роло притворился, будто смотрит по сторонам.

— Мои друзья не бросят человека в беде. Мои друзья всегда придут на помощь. То есть придут очень скоро. Совсем скоро. Типа, прямо сейчас. Ну пожалуйста!

— О, это так трогательно! — воскликнул Роло. — Ты умоляешь о помощи, хотя шансов на спасение у тебя нет.

Грохнул выстрел.

Роло согнулся и, шипя от боли, зажал ухо рукой. Затем отвел руку и посмотрел на ладонь: она была покрыта кровью. Одним пальцем он осторожно коснулся уха. У уха не хватало верхней части.

Роло посмотрел на Мэла:

— Какого...

Прозвучал второй выстрел.

Рука Роло взлетела к другому уху, которое тоже лишилось верхушки.

— Твою мать! — завопил он, оглядываясь. — Прекрати! Больно же, сука!

— Бросай нож, — рявкнул мужской голос откуда-то из-за кабриолета. — В правое ухо я попал, в левое тоже. Следующую пулю всажу между ними.

— Ладно, ладно. — Роло отпустил нож, и тот воткнулся в землю. — Я у тебя на мушке, так что сопротивляться не буду.

— Мэл? — спросил голос. — Ты выяснил все, что хотел?

— Ага.

— Тогда жить ему уже больше не нужно.

— Стой, стой! — крикнул Роло. Кровь текла у него по щеке с обеих сторон, поблескивала на бороде. — Что вам нужно? Деньги? Я дам вам денег — гонорар за это дело плюс десять процентов в качестве жеста доброй воли. Годится? А за это вы дадите мне уйти и больше меня не увидите.

Невидимый снайпер затих, словно обдумывая слова Роло, а затем сказал:

— Мэл? Нам нужна его платина?

ПРИЗНАКИ ЖИЗНИ

— Она бы нам пригодилась, — ответил Мэл.

— Она ваша, клянусь! — воскликнул Роло с абсолютно искренним видом.

— С другой стороны, — продолжил Мэл, — ты долго говорил о том, как будешь медленно меня убивать.

— Ерунда, я просто болтал! — испуганно пролепетал наемный убийца. — Я бы мигом тебя прикончил, честное слово.

— Какой ты добрый. Но вот беда: я тебе не верю.

— Богом клянусь!

— Из твоих слов я понял, что ты наслаждался бы, пытая меня, мерзкий садист.

— Иногда приходится такое говорить... ну, чтобы создать определенный эффект, — сказал Роло, незаметно заводя окровавленную руку за спину. — Сам понимаешь, мне нужно выглядеть крутым и грозным. Мне нужно...

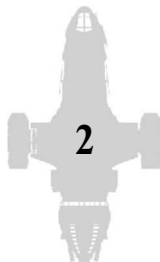
Не закончив фразу, Роло выхватил револьвер, который прятал в штанах, на поясице, и прицелился в голову Мэла, одновременно взводя курок.

Бах!

Роло упал навзничь: третью пулю снайпер, как и обещал, всадил между ушей. Теперь Роло лежал на спине в пыли, с отверстием на месте носа — и другим, более крупным отверстием в затылке.

Так погиб Дезмонд Роло, наемный убийца.

«Серенити» взлетел с поверхности Одессы на всех парах и за минуту разогнался до второй космической скорости.

В грузовом отсеке Мэл, Зои и Джейн делились друг с другом новостями. Ривер сидела на краешке мостика неподалеку и болтала ногами. К их разговору она, похоже, не прислушивалась: она смотрела в пустоту, что-то напевала себе под нос и наматывала прядь волос на палец.

— Хеймер? — спросила Зои. — Я так и знала, что рано или поздно все это дело нам аукнется.

— Ну да, — отозвался Мэл. — Кто бы мог подумать, что он разозлится, потеряв одну из своих драгоценностей?

— Ты сейчас про «Ласситер» или про ИоСаффБридж?

— Ну, ты же знаешь, как мужики привязываются к своим пушкам. Верно, Джейн?

— Это не стыдно, — ответил Джейн, обнимая свою любимую винтовку, которую он окрестил «Верой».

— Но в данном случае, — продолжал Мэл, снова переводя взгляд на Зои, — я про ИоСаффБридж. Пожалуй,

для этого грязного дела он мог найти кого-нибудь поумнее. Ловушка, которую подготовил Роло, была не слишком хитроумной. «Давай встретимся в избушке в глуши, только ты и я, и никого больше». Мы прекрасно понимали, что это подстава. Оставалось выяснить, кто ее организовал и зачем.

— Но, сэр, можно было придумать способ получше, — сказала Зои. — Чтобы вас меньше связывали и реже приставляли к вам нож.

— Я надеялся разговорить Роло старым испытанным способом — пригрозить ему пушкой. Именно такой был у нас план, помнишь? И я бы так и сделал, если бы представилась подходящая возможность. Откуда я мог знать, что этот *гэ чжень де хунь дань* подмешает мне снотворное?

Последствия этой встречи Мэл все еще ощущал — у него кружилась голова, а язык, казалось, стал шершавым.

— И откуда я мог знать, что он свяжет меня и отвезет в глушь, чтобы там убить? — продолжал он. — Хорошо, что рядом был мой ангел-хранитель. Кстати: неплохо стреляешь, Джейн.

— Всегда пожалуйста, — ответил Джейн.

— Но мне вот что любопытно: ты ведь с самого начала занял позицию рядом с избушкой. Так почему ты не уложил Роло, пока он нес меня к своему кабриолету?

— Я плохо его видел. Он взвалил тебя на плечо, и я не мог гарантировать, что не попаду в тебя. Кроме того, я не знал, проболтался он уже или нет. Я предположил, что нет, поэтому у меня оставался только один вариант — следовать за вами на «Муле» на безопасном расстоянии. А когда я вас догнал, Роло уже тебя подвел и начал размахивать ножом.

— А я был занят: заставлял его разговаривать, тянул время. Если бы не это, ты бы опоздал.

— Но в итоге тебе вреда не причинили, так?

— Ну, нескольких пуговиц я лишился... — Мэл уныло посмотрел на рубашку. — Да, пожалуй, жаловаться не на что.

— Самое обидное, что недавно я купил вот его, — Джейн похлопал по новенькому прибору ночного видения. — Надеялся, что смогу его испытать, но там было светло, и он не пригодился.

— Может, в следующий раз мне снова будут угрожать ножом, и тогда твоя мечта исполнится.

— Да уж надеюсь.

Мэл искоса взглянул на здоровяка. Сложно понять, когда Джейн Кобб хамит, а когда просто прикалывается.

— Но вот вопрос: что делать дальше? — спросила Зои. — Одного наемного убийцу Хеймер к тебе уже послал. Когда он узнает о провале, то, скорее всего, пошлет другого.

— Скорее всего, нет — когда увидит на своем крыльце вот это. — Мэл указал на алюминиевый контейнер размером с гроб. В контейнере лежали останки Дезмонда Роло.

— Хеймер — аристократ с Беллерофонта, — продолжил Мэл. — Сам нажать на спусковой крючок он боится, но с радостью заплатит тому, кто готов это сделать. Таким людям нужно показывать, к чему приводят их решения; они должны знать, как на самом деле выглядит убийство. Он откроет этот ящик, взглянет на простреленное тело Роло и все поймет.

— А если нет?

— Тогда то же самое случится с каждым стрелком, которого он наймет. В конце концов ему все станет ясно.

— Я не против, — заметил Джейн.

— Это риск, — сказала Зои.

— Рассчитанный.

— Все равно.

— Ну, такая уж у нас жизнь, Зои, — вздохнул Мэл, — сплошной риск, хоть рассчитанный, хоть нет.

Выйдя на мостик, Саймон услышал последние слова Мэла.

— Что за риск? — спросил он у Ривер.

Ривер подняла голову и посмотрела на брата.

— Мэл не возражает, если его попытаются убить.

Значит, она все-таки прислушивалась к разговору, хоть и — по своему обыкновению — рассеянно.

— Я совсем не об этом говорил, — возразил Мэл. — Если кто-то наставит на меня пушку, нож или любое другое оружие, то я, конечно, очень даже буду возражать. Похоже, что в последнее время это происходит все чаще, и я должен с этим смириться — даже если это мне не по душе.

— Так куда мы теперь отправимся? — спросил Саймон.

— На Беллерофонт, — ответила Ривер. — Мэл приготовил для Дюррана Хеймера подарок — труп, свеженький, только что с конвейера.

— Труп?

— Вон в том ящике.

— Серьезно?

— Я должен его убедить, — сказал Мэл.

— Знаешь, он ведь герой, — заметила Ривер.

— Ты мне льстишь, Ривер, — сказал Мэл. — Я бы не назвал свой поступок героическим. Смелым — возможно, но не героическим.

— Беллерофонт, — отозвалась Ривер. — Полубог из древнегреческого мифа. Сын Посейдона. Ездил на кры-

латом коне Пегасе. Убил Химеру — огнедышащее чудовище с головой льва, телом козла и хвостом змея.

— А. Этот.

— Ты про него слышал?

— Нет, но он, похоже, настоящий герой. Убивал монстров, и все такое.

— Но Беллерофонт, как и многие герои, зашел слишком далеко, — сказала Ривер. — Он возгордился, решил, что после победы над Химерой его место на горе Олимп, рядом с богами.

— У нас что, какая-то лекция про древние сказки? — спросил Джейн, в отчаянии качая головой.

Не обращая на него внимания, Ривер продолжила:

— Зевс послал муху, чтобы она жалила Пегаса в полете. Пегас сбросил Беллерофонта, и тот упал на Землю, приземлился в колючий куст и ослеп. Остаток дней он провел в одиночестве, униженный и жалкий. Боги карают людей, которые пытаются стать равными богам.

— И какова мораль этой истории? — спросил Мэл.

— А должна быть мораль?

— Ты, похоже, намекаешь, что я повинен в грехе гордыни.

— Нет, ни в малейшей степени. Но когда прилетим на Беллерофонт, будь готов грохнуться на землю.

— Что?

Ривер, сидевшая на мостике, посмотрела на Мэла сверху вниз. Поймав проникновенный взгляд ее огромных глаз, он почувствовал, что она знает больше, чем все остальные. Подобное ощущение возникало у него не раз, но не переставало его пугать. Ученые Альянса покопались в мозгах Ривер, подарили ей возможности, которые можно назвать сверхчеловеческими. Эти способности — телепатия, предвидение, невероятная боевая выучка — проявлялись постепенно, и сколько их у нее,

оставалось неясным. Однако за них пришлось дорого заплатить: Ривер стала ущербной, психически нездоровой. Иногда ее удивительный разум мог справиться с любой, даже с самой непреодолимой проблемой; но с такой же частотой он сам их создавал.

— Что? — переспросила Ривер.

— Нет, это я первым спросил: «Что?» Повторять за мной нельзя. Ты должна ответить на мой вопрос. Как я грохнусь на землю?

— Я так сказала?

— Ну вот, начинается, — заворчал Джейн. — Маленькая мисс Жуть пудрит нам мозги. Опять.

Что-то бормоча себе под нос, он вышел из грузового отсека.

— Ривер, — мягко сказал Саймон, — если ты знаешь, что произойдет, скажи нам.

Ривер недоуменно нахмурилась.

— А я знаю, что произойдет?

— На Беллерофонте.

— Беллерофонт. Полубог из древнегреческого мифа. Сын Посейдона. Ездил на крылатом коне Пегасе. Убил Химеру...

— Про это ты уже говорила. Можешь рассказать нам еще что-нибудь?

— Нет, Саймон, не думаю, — озадаченно ответила Ривер.

— Точно?

— Абсолютно.

Ривер словно не помнила то, что сказала всего полминуты назад. Скорее всего, она действительно это забыла. Внезапно Ривер вскочила и, хлопнув Саймона по руке, крикнула:

— Ты водишь! — и выбежала из грузового отсека.

Пожав плечами, Саймон отправился вслед за ней.

FIREFLY

— Я догоню тебя, Ривер.

— Не догонишь! — донесся ее певучий насмешливый голос. — У тебя никогда это не получается!

Мэл и Зои переглянулись.

— Что скажешь? — спросил Мэл. — Наш личный хрустальный шар нас о чем-то предупредил.

— Нужно быть готовыми к тому, что на Беллерофонте нас ждут неприятности — на тот случай, если Ривер попала в точку.

— Я тоже так думаю. Заметь, меры предосторожности следовало бы принять, даже если бы на борту не было мадам Нострадамус.

— Почему?

— Потому что у нас всегда неприятности, черт побери.

На самом деле, все обошлось: им улыбнулась удача, и никаких неприятностей у них не возникло.

Дюрран Хеймер владел одним из поместий, кластеры которых парили над морями Беллерофонта, благодаря комплексам конических антигравитационных генераторов. Эти дисковидные, практически неотличимые друг от друга поместья напоминали огромные листья кувшинок, подвешенные в воздухе.

Мэл и Зои посадили один из двух шаттлов «Серени-ти» на платформу, расположенную во владениях Хеймера, и торопливо вытащили из корабля контейнер, к которому Мэл прилепил бирку с надписью «Особый груз для мистера Хеймера — Совершенно секретно». Вскоре шаттл снова взмыл в воздух. Задерживаться не было смысла: заметив их, кто-то мог вызвать полицию.

Выглянув из окна кабины, Мэл увидел, как из особняка вышел человек — не Хеймер, а какой-то слуга в красивом жилете и фраке. Приложив ладонь к глазам, человек проследил за удаляющимся шаттлом, а затем обратил внимание на контейнер. Прочитав надпись на

крышке, он пошел обратно в дом — вероятно, за хозяином.

Мэл еле заметно улыбнулся. Когда Дюрран Хеймер откроет ящик, у него будет настоящий шок. Он без проблем поймет, от кого он и что он означает. Мэл надеялся, что Хеймер надолго запомнит этот урок. Раздражение, а может, отчаяние, заставило его — в сущности, законопослушного гражданина — зайти на неизведанную территорию, и Мэл, который действовал на ней каждый день, показал ему, насколько она опасна.

Они уже были на полпути к «Серенити», когда на связь вышел Уош.

— Мэл, входящее сообщение от некоего Станислава Лямура, — сказал пилот. — Переключить его на тебя?

— Ага, валяй.

Через секунду экран на консоли шаттла вспыхнул. На нем появилось исключительно красивое лицо Станислава Лямура.

— Капитан Рейнольдс, миссис Эллейн Уошберн.

— Мистер Лямур, — отозвался Мэл. — Давно не виделись.

— Привет, — сказала Зои.

Их первая и единственная встреча состоялась несколько месяцев назад на далекой пустынной планете под названием Фетида. Чтобы вернуть долг Инаре Серра, своей подруге, Лямур помог команде «Серенити» выбраться из переделки, прислав ей на выручку свою личную наемную армию. Лямур был человеком крайне редкого типа — честным богатым бизнесменом.

— Да, действительно, — ответил Лямур. — Хорошо выглядите, капитан.

— Вы тоже.

Это было не совсем так: Мэл прекрасно видел, что с Лямуром что-то произошло. Он вспомнил добродушного и учтвого человека, которого встретил на Фетиде — человека, который считал жизнь бесконечно приятной. А вот этот Станислав Лямур был совершенно другим, крайне мрачным.

— Чем могу помочь? — спросил Мэл. — Если вам нужна Инара, то вы, очевидно, не слышали, что она уже не с нами. Она вернулась в дом Мадрасса.

Эти слова он произнес дрогнувшим голосом. Инара покинула «Серенити» вскоре после событий на Фетиде. Причины этого Мэлу не были вполне ясны, но ему казалось, что они связаны с ним и с его дурацкой убежденностью, что между ним и Инарой ничего нет. Именно в тот момент, когда он уже собрался признаться ей в своих чувствах, Инара объявила ему, что уезжает. Вот это называется «не вовремя» — или, точнее, «откладывать все на потом».

— Но, может, вы к нам с деловым предложением? — с надеждой спросил Мэл.

— Нет, ваша догадка верна: это связано с Инарой, — ответил Лямур, — но совсем не так, как вы думаете. Капитан Рейнольдс...

— Зовите меня «Мэл».

— Хорошо, Мэл. Скажите, что вам известно о состоянии Инары?

Внутри Мэла что-то оборвалось.

— Что, простите? О каком состоянии?

— А... — Лямур помрачнел еще сильнее. — То есть вы ничего не знаете.

— Нет, я понятия не имею, в каком она состоянии, и я буду крайне вам признателен, если вы просветите меня на этот счет.

FIREFLY

— Мэл, я вынужден перед вами извиниться. Я думал, что она вам рассказала.

— Что. Она. Мне. Рассказала. — Слова Мэла летели в экран словно пули.

Лямур помедлил — очевидно, набираясь храбрости.

— Мэл, Инара умирает. У нее рак. Врачи говорят, что жить ей осталось не больше месяца.

У Станислава Лямура были дома во всех уголках галактики, и в том числе на Беллерофонте — в северо-западной части самого крупного из трех континентов планеты, посреди пятидесяти акров идеально благоустроенной земли стоял двухэтажный особняк, и, как оказалось, сейчас Лямур жил именно в нем.

Уош посадил «Серенити» на площадку в полумиле от дома. Рядом уже ждала автоматизированная транспортная капсула на магнитной подвеске, и как только Мэл залез в нее, она, жужжа, поехала по извилистой трассе, проложенной по лесистому участку.

При других обстоятельствах эта поездка доставила бы ему удовольствие. Деревья стояли в своих осенних нарядах; их красные, желтые и коричневые листья еще цеплялись за ветки, не желая падать на землю. Легкий ветерок заставлял ветки лениво раскачиваться. Мэл обожал осень, ее цвета и особую приятную грусть, которую она вызывала в нем.

Но не сегодня. Сегодня он не видел перед собой ничего, кроме медленного и неотвратимого угасания.

Вскоре капсула остановилась у дверей особняка. Дворецкий с важным видом проводил Мэла в огромный вестибюль, где уже ждал Лямур.

— Мэл. — Лямур протянул ему руку. — Рад вас видеть. Жаль, что мы встретились при таких обстоятельствах.

Его руку Мэл не пожал.

— Где она?

Лямур понимающе кивнул.

— Наверху, в комнате для гостей. Ее лечат лучшие онкологи, а сиделки ухаживают за ней круглые сутки. Я делаю все, чтобы сделать как можно более комфортными ее последние...

— Отведите меня к ней.

— Конечно, конечно. Сюда.

Они поднялись по большой лестнице, прошли по галерее, в комнаты, более просторные, чем большинство городских квартир. Бархатные портьеры и натертый до блеска паркет резко контрастировали с новой, суперсовременной медицинской койкой, отчего она выглядела еще более неуместной.

Койка, парившая в воздухе в полуметре от пола, оцептенилась мониторами и приборами. Со стоек, прикрепленных к ее раме, свисали мешки для капельниц, наполненные прозрачными жидкостями. Койка была немного наклонена — так, чтобы лежащий на ней человек мог смотреть в панорамное окно на стоящие посреди лужайки статуи, озеро и сад с искусно подстриженными деревьями.

Над кроватью склонилась сиделка, ухаживающая за пациентом. Увидев Мэла и Лямура, она отошла в сторону.

Мэл подошел к кровати. Теперь он уже не спешил. Он хотел увидеть Инару. Он не хотел увидеть Инару.

Она была одета в шелковое кимоно, на котором вручную были нарисованы цветы вишни. Ее лицо осунулось и приобрело землистый оттенок; губы пересохли и потрескались. Ее волосы утратили блеск и теперь стали тусклыми и ломкими, словно пережарили-поле.

Но она все равно была прекрасна.

Инара повернула голову на подушке и с трудом сфокусировала взгляд.

— Мэл? — хрипло, еле слышно произнесла она.

Мэл не мог говорить.

— Ты пришел, — сказала она и, собрав все силы, улыбнулась.

Мэл по-прежнему не мог вымолвить ни слова. У него в горле застрял комок.

— Я рада тебя видеть, — сказала Инара.

— Почему ты мне не сказала? — спросил Мэл, к которому наконец вернулся дар речи.

Он хотел, чтобы это прозвучало жалобно, но это было больше похоже на обвинение.

— Я пыталась, несколько раз, но не могла себя заставить.

— Но ты знала — с самого начала, когда впервые пришла на «Серенити», ты уже знала. Лямур мне сказал.

Мэл посмотрел по сторонам, разыскивая Лямура, но миллиардер и сиделка вышли из комнаты, чтобы не мешать Мэлу и Инаре.

— И Саймон говорит, что ты намекнула ему об этом, — продолжил Мэл. — Когда на «Серенити» взорвалась компрессионная спираль и у нас заканчивался воздух, он сказал что-то вроде «не хочу умереть на этом корабле», а ты ответила, что вообще не хочешь умирать. В то время он не обратил на это особого внимания, но теперь, когда он знает, что ты больна...

— Он понял, что я намекала на свою неизлечимую болезнь.

— Да. Но это был единственный раз, когда ты пыталась с кем-то об этом поговорить.

— Как там Саймон, кстати? — спросила Инара. — Он с Кейли наконец... ну, ты понимаешь.

— Нет, они не вместе.

Инара закатила глаза.

— *Тьен сяо дэ!* Ох уж эти двое. Они вообще не видят дальше своего носа. А остальные? Как дела у Зои, Уоша, Ривер... Я скучала по ним, даже по Джейну.

— Я здесь не для того, чтобы говорить о них.

Голос Мэла звучал все более сердито. Возможно, он действительно был рассержен.

— Если хочешь узнать, как у них дела, сама у них спроси. Только ты ведь их не пригласила. Сказала, что встретишься только со мной.

— Мэл... — Инара накрыла его ладонь своей — легкой словно воробушек. — Пожалуйста, выдохни, успокойся. Я не пригласила остальных, потому что не хочу, чтобы они видели меня такой. Пусть запомнят меня здоровой. И тебе я тоже не хотела показываться в таком состоянии, но Станислав убедил меня в том, что это нужно сделать. Но я смотрю на тебя и уже не знаю, прав ли он.

— Ладно, ладно...

Мэл попытался успокоиться. Его чувства сейчас не важны. Сейчас главное — состояние Инары.

— Просто я... Если бы я знал, это, возможно, что-нибудь изменило.

— Каким образом?

— Прежде всего я бы попросил тебя остаться на «Серенити». Я настоял бы на этом.

— Вот почему я ничего не сказала. Это было бы неправильно.

— Мы бы за тобой ухаживали, сделали бы все, что в наших силах. Это неправильно?

— Да, ты бы мне сочувствовал. И еще ты бы меня жалел, а жалости к себе я не потерплю ни от кого, а от тебя — тем более.

— Поэтому ты солгала — сказала, что возвращаешься на Синон, в дом Мадрасса. Ты заставила нас поверить в то, что мы недостаточно хороши для тебя, что ты стыдишься нас.

— Ты хочешь сказать «меня», а не «нас», да? Я почти уверена, что все остальные так не считали. И кроме того, я не солгала: я действительно вернулась в дом Мадрасса, хотя и ненадолго. Дело в том, что симптомы моего заболевания — миеломы Кила — можно сдерживать, по крайней мере поначалу. Есть лекарство, коктейль из ингибиторов протеасом и иммуномодуляторов, которое замедляет развитие болезни. Пока я была на «Серенити», я регулярно делала себе инъекции, и какое-то время этот метод работал.

— Я никогда не видел, как ты это делала.

— Думаешь, я стала бы тебе это показывать? Шприц я прятала и использовала его, только когда никого не было рядом. Но я знала, что вечно так продолжаться не может. Лекарства становились все менее эффективными, у меня болела голова, возникало головокружение, перед глазами все расплывалось. Такие приступы проходили, но постепенно они участились. Я знала, что скоро у меня начнутся обмороки. Именно так обычно протекает миелома Кила. Мои почки начнут забиваться, начнутся инфекции... и я уже не смогу скрывать свою болезнь, особенно от Саймона. Больше всего я боялась его — и его наметанного глаза. Однажды я чуть ему не проболталась, и была еще куча случаев, когда я успела вовремя прикусить язык. Возможно, мне было полез-

но поговорить об этом хоть с кем-нибудь из экипажа, и я знала, что Саймон будет соблюдать врачебную тайну.

— Ты могла бы довериться мне. Я бы сохранил твою тайну.

— Если бы я рассказала тебе, Мэл, об этом узнали бы все.

— Я бы ни единой живой душе не проболтался.

— Ты бы мог ничего не говорить — за тебя бы все сказало твое поведение. Ты бы по-другому со мной общался, ты был бы бережным, хмурым, печальным, чрезмерно заботливым — и остальные бы это заметили. Нет, я не хочу тебя обидеть. Ты бы просто не смог вести себя иначе.

Мэл подумал, что Инара права. Но это не значит, что она поступила правильно.

— Я должна была уйти, и все. Остаться на «Серени-ти» я не могла, ведь на корабле я стала бы обузой для всех. Я жалею только о том, что мы с тобой не расстались по-доброму, и о том, что не была честна с тобой. Но я не могла тебе об этом рассказать. Мне казалось, что так будет лучше. Если я причинила тебе боль, то от всего сердца прошу у тебя прощения.

— Ты думаешь... ты думаешь, что покинуть корабль без объяснения причин — это лучше всего? Чтобы я думал, что сам во всем виноват?

Внезапно Инара зашипела от боли. По ее телу прошла судорога, заставив Инару выгнуться дугой. Несколько приборов, встроенных в кровать, начали негромко попискивать.

— Инара? Инара!

— Все... все нормально, — ответила она, стиснув зубы. — Просто подожди... немного. Кровать... реагирует. Вот так. — Инара расслабилась и упала обратно на матрас. — Уже лучше. — Она подняла руку и показала

ПРИЗНАКИ ЖИЗНИ

ему трубку, по которой через канюлю в вену текла жидкость. — Анальгетик уже срабатывает. *Жень цы дэ фо цзу*, как хорошо. Обычно боль не очень сильная, но иногда бывают эти приступы...

— Инара...

— Мэл, пожалуйста, не надо этих больших печальных глаз. У меня все в порядке, честно.

— Нет, не все в порядке. Ты умираешь!

Гнев вернулся, он усилился, и ничто не могло потушить его пламя. Мэл был в ярости — не на Инару, а на себя, на судьбу, на проклятую болезнь, которая постепенно пожирала Инару.

— И это нормально, — ответила она. — Все умирают. Сейчас просто пришло мое время.

— Нет, нет. К черту этот буддийский *лэ сэ*.

Глаза Инары вспыхнули, и на миг она стала похожа на себя прежнюю.

— Не смей называть мою религию «мусором», Мэл. Не смей.

Он покаянно склонил голову.

— Да. Прости, — пробурчал он.

Инара смягчилась.

— Иногда нужно просто принять тот факт, что ты ничего не можешь сделать, что мир такой, какой он есть. Злиться на него, воевать с ним — бессмысленно.

— Злиться и воевать — это моя тема. Я всегда так делаю.

— Знаю, Мэл, и прошу тебя на этот раз действовать иначе — ради меня и ради тебя.

Они поговорили еще минут пять. Мэл поведал ей последние новости из жизни команды.

— Платины мало, — сказал он. — Работы тоже.

— То есть все как обычно.

Мэл заметил, что Инара устает. Говорить ей становилось все сложнее.

— Мэл... — сказала она наконец. — Я творила злые дела.

— Нет, Инара, это не так.

— Почему я ушла из дома Мадрасса. Фидлерс-Грин... Мой клиент проговорился, что повстанцы собираются атаковать базу в Фидлерс-Грин. Я подумала, что об этом стоит сообщить властям. Мне казалось, что так я предотвращу кровопролитие.

— Да, ты рассказывала.

— Я не хотела, чтобы все вышло вот так. Альянс провёл бомбардировку... уничтожил всю базу. Столько людей погибло... столько мирных жителей... Когда я в конце концов призналась тебе в этом, ты так разозлился.

— Знаю. Но сейчас не то время, чтобы осуждать себя.

— Потому что надо мной нависла смерть? Но если не сейчас, то когда?

— Вспомни свои добрые дела, — сказал Мэл, — а не свои ошибки. Подумай о том, как много ты значила для людей, о том, как ты делала их лучше.

— В том числе тебя?

— И больше всех меня. Правда, я никогда в этом не признаюсь.

— Не бойся, твою тайну я не выдам. Я заберу ее с собой в могилу.

Мэл увидел, что у нее уже слипаются глаза.

— Мне жаль, Мэл, — пробормотала Инара.

— Все нормально, — ответил он. — Просто спи.

— Мы с тобой... У нас с тобой могла быть...

— Знаю, Инара. Знаю.

Инара еще что-то сказала, но так неразборчиво, что Мэл не понял ни одного слова. Затем она закрыла глаза и уснула.

Он посидел у ее кровати еще полчаса, наблюдая за тем, как она спит, а затем вышел из комнаты. Ему хотелось кому-нибудь врезать. В коридоре стояла скульптура, трехмерная фигура из заплаток, видимо, сделанная из переработанного металла. Мэл не понимал, что она должна изображать — кошку на ходулях, пьяного жирафа? Его так и подмывало бросить ее на пол, растоптать, снова превратить в утиль.

— Пожалуйста, не надо, — сказал Станислав Лямур, подходя к Мэлу сзади.

— А?

— Это настоящий Оскар Наварре. Оч-ч-чень дорогой. Вы собирались сделать с ним что-то плохое.

— А вот и нет.

— И не вы первый. С творчеством Наварре связано множество скандалов. Одни считают его работы гениальными, другие...

— Другие уверены, что смогли бы за полдня смастерить такое у себя в сарае.

— Именно. Но это не мешает его работам уходить с аукциона за баснословные суммы. Вот эта называется «Редкая масть». Это своего рода каламбур. Видишь ли, это лошадь, сделанная из банок из-под мастики.

— А-а, лошадь. Ну, теперь, когда вы это сказали, я ее вижу.

Лямур сочувственно взглянул на него.

— Мэл, я все понимаю. Насчет Инары. Я чувствую то же, что и вы. Мы оба ее любим. Мы в ярости оттого, что с ней происходит. От таких мыслей хочется воевать против всего мира, но что хорошего из этого выйдет? Давайте лучше выпьем. У меня внизу есть бутылка «Цзиньсе де Мэнсян». Лучший односолодовый виски в мире.

— Мне не очень хочется пить.

* * *

Шесть больших порций виски спустя Мэл обнаружил, что его ярость превратилась в уныние. Такая вот магия бухла. Алхимия алкоголя.

— А ей точно нельзя помочь? — спросил он у Лямура.

Они сидели в бельведере — термин «беседка» казался недостаточно грандиозным термином для этой постройки, стоявшей на холме в полукилометре от дома. Под холмом в вечерних лучах солнца поблескивало озеро. Время от времени на поверхность, создавая круги на воде, поднималась золотисто-оранжевая рыба.

— Поверьте, Инару осматривали почти все специалисты галактики, — ответил Лямур. — Все твердят одно

и то же: грубо говоря, миелома Кила — это смертный приговор. Она влияет на производство клеток плазмы в костном мозге, заставляя их нападать на сам организм. Фактически она медленно превращает свою собственную кровь в яд. В наше время большинство миелом поддаются лечению — вот они, чудеса современной медицины, — но миелома Кила является одним из исключений. Она — смертельно опасная тварь.

— Жаль, что Инара не сопротивляется болезни.

Миллиардер удивленно посмотрел на Мэла.

— Вы в самом деле так думаете? Мэл, послушайте: с тех пор как Инара прибыла сюда, она каждый день боролась с болезнью. Я не видел другой женщины, которая бы так хотела жить. Лишь совсем недавно она смирилась с неизбежностью.

— Почему она вообще сюда приехала?

— Ну да, что у меня вообще есть, если не считать безграничного обаяния и огромного богатства?

— Я не хотел вас обидеть.

— А я и не обижаюсь, Мэл. Вы спрашиваете, почему Инара выбрала именно Станислава Лямура, чтобы он заботился о ней и был с ней в последние дни ее жизни. Почему не кого-то другого? Почему не вас?

Мэл пожал плечами.

— Не обязательно меня. Капитан «Светлячка» вряд ли может конкурировать... ну, вы понимаете... вот с этим. — Он обвел рукой окрестности. — Но ее принял дом Мадрасса, даже после всего, что произошло, — Фидлерс-Грин, нарушенная клятва компаньонки и так далее. Это удивительно, но они все-таки взяли ее к себе. Она же могла остаться там, верно?

— Неприязнь, которую испытывали к ней другие компаньонки, не исчезла окончательно. Там она не чувствовала себя уютно. Инара хотела оказаться там, где ее